

И.С. Хугаев

ВИНО И СОЛНЦЕ

Страница воспоминаний Хаджи-Мурата Мугуева (очерк «Хуторок») И.С. Хугаев*

Аннотация. Вводится в научный оборот неизвестный очерк Хаджи-Мурата Мугуева; предлагаются общее теоретическое описание текста и необходимые историко-литературные комментарии.

Ключевые слова: Мугуев, Бела Кун, Эйзенштейн, барон Штенгель, «Буйный Терек», Кубань, очерк, мемуары, вино.

Мы уже публиковали некоторые никогда ранее не печатавшиеся рукописи из фонда Х.-М.М. Мугуева, хранящегося в Музее осетинской литературы им. К.Л. Хетагурова [1; 2; 3; 4]. Тогда были опубликованы его миниатюры, черновые дневниковые записи, бытовые наблюдения и афоризмы; несколько лирических стихотворений и фрагменты незаконченных поэм. Сегодня предлагаем вниманию специалистов и читателей очерк Х.-М. Мугуева «Хуторок», также хранящийся в фондах указанного музея (ф. Мугуева, ст. 3, п. 2, кор.1).

В советское время Мугуев был известен не только как автор крупных произведений – исторического романа «Буйный Терек», повестей «К берегам Тигра» и «Кукла госпожи Барк», хроники «Весенний поток» и др., но и как яркий журналист и репортер. Начиная с 1925 года, когда он обосновался с семьей в Москве, ему приходилось много ездить по стране в составе так называемых «писательских бригад» по заданиям различных издательств и периодических печатных органов (не бросал он литературную работу даже на фронтах Великой Отечественной).

Одна из таких поездок и дала материал для нижеследующего очерка Мугуева.

Хаджи-Мурат Мугуев оставил нам много сочинений мемуарного, автобиографического плана (те же «Весенний поток», «К берегам Тигра», «Врата Багдада»), да и жанр очерка представлен в его творчестве довольно широко («Возрождающаяся Чечня», «Ингушетия», «Северная Осетия», «Нарты», «Кровь Родины», «Казачья засада», «Конец немецкого бронепоезда», «Шофер из Белграда» и др.). Но «Хуторок» – совершенно особый случай, – и как очерк, и как фрагмент мемуаров.

Во-первых, как мы сказали, это сочинение никогда не публиковалось и, хотя мы обнаружили текст отпечатанным на машинке, ему явно

не хватает той стилистической дисциплины, которая всегда отличает рукопись, совершенно готовую в печать.

Во-вторых, здесь не только нет высокого пафоса, пропагандистской тенденции или «идейности», которую мы привыкли наблюдать в очерках социалистического реализма, в том числе у Мугуева, но нет даже какой-либо ясно выводимой идеи; здесь нет ни деклараций, ни подтекстов.

В-третьих, текст характеризуется отсутствием композиции в положительном смысле этого слова: здесь нет единства действия, подразумеваемого жанром. Повествование легко переключается с образа Дениса Ивановича на Бела Куна, с Бела Куна – на Гаврилу Гаврилыча, а с Гаврилы Гаврилыча – на Сергея Эйзенштейна. При этом здесь трудно выделить одного главного героя без того, чтобы не «обидеть» другого (конечно, Бела Кун; но ведь и Гаврила Гаврилыч вовсе не второстепенный): все портреты – и фигуры знаковые и знаменитые, и, казалось бы, «проходные» – в равной мере щедро освещены солнцем, поднявшимся над кубанским «Хуторком».

В-четвертых, повествователь на проверку совершенно проигнорировал предписания командировавшего его на Кубань начальства: мы не увидим здесь ни хозяйственных новостей «Хуторка», ни интервью с Бела Куном или Эйзенштейном (очерк как раз заканчивается сценой подготовки к интервью с легендарным «вождем венгерцев»): это очерк вне очерковой предметности.

Что же здесь есть?.. Есть – радость жизни и труда (и немного грусти, как бы взятой в скобки), улыбки на загорелых лицах, вино и солнце. Простота языка и изложения, и во всем непринужденность и подобающая местности провинциальная непосредственность: это именно воспоминание; а память не хлопочет о

* Хугаев Ирлан Сергеевич – д. ф. н., старший научный сотрудник ВНЦ РАН, Владикавказ (shmiksel@rambler.ru).

композиции, и для нее нет разницы между большим и малым.

Вот самая общая характеристика; но возникает и ряд чисто профессиональных вопросов.

Когда мог быть написан очерк (ибо рукопись не датирована)? Это трудно сказать сколько-нибудь определенно; но можно предположить, что, скорее всего, в 1956–57 годах, – то есть, вскоре после посмертной реабилитации Бела Куна. Это кажется вероятным и в связи с тем, что в очерке речь идет и о других реальных лицах, впоследствии подвергшихся репрессиям и также реабилитированных после смерти Сталина. Но и не в том дело, что Мугуев не мог написать этот текст в сталинскую эпоху; конечно, мог (здесь нет и ничего крамольного); просто логично допустить, что официальная реабилитация Бела Куна как раз и напомнила

Мугуеву солнечный кубанский «Хуторок» и его винные погреба.

Почему очерк не был в итоге тщательно отредактирован автором и опубликован? Вероятно, просто потому, что «не дошли руки», как и до многих других черновиков, планов и замыслов (о которых было сказано в предисловии к первой публикации).

Наконец, к какому времени относятся неприязнительные события, изложенные в очерке? На этот вопрос мы ответим в свое время – в комментариях, прилагаемых к тексту Мугуева.

Комментарии эти отвечают задачам публикации «Хуторка»: этот небольшой по объему документ богат материалом, вызывающим добрые ассоциации; воспоминания Мугуева о многом напомнят и современнику.

Хаджи-Мурат Мугуев ХУТОРОК

Мы с Глебом Алексеевым¹ сидели в беднейшем номере совхозной деревянной гостиницы и писали: он – статью в «Молот», я – очерк в журнал «Колхозник». Оба мы были командированы Наркоматом совхозов СССР на Кубань, в совхоз «Хуторок», ознакомиться с людьми, работой, проблемами и перспективами «Хуторка» и все-сторонне осветить жизнь этого огромного хозяйства. Мы это и делали, помещая то в «Правде», то в краевой газете «Молот» очередные корреспонденции.

Вдруг в дверь постучали, вошла письмоносец из почтово-телеграфной конторы «Хуторка».

– Вам телеграмма, – кладя передо мною бланк, сказала она.

Я расписался и вскрыл депешу.

– Из Москвы, – сказал я оторвавшемуся от работы Глебу Алексееву и прочел текст: – «На днях совхозы «Хуторок» и «Кубань» приезжает Бела Кун² сопровождении венгерских товарищей Просьба дать две-три корреспонденции или очерк их пребывания Кубани Привет Кольцов».

Телеграмму прислали из «Огонька», но по ее тексту было ясно, что давать материал надо и в «Правду». Алексеев сокрушенно вздохнул:

– Встречай их, пожалуй, и пиши ты... Я утром уезжаю в Сочи к большому... вернее, умирающему Николаю Островскому³.

Я знал, что Глеб был уже «на колесах», так как списался и с женой Островского и получил от секретаря крайкома Малинова санкцию и одобрение на поездку в Сочи к Островскому.

Делать было нечего. Утром Алексеев уехал, а я пошел к директору совхоза старому большевику Ивану Николаевичу Борзову и показал ему телеграмму.

Визиты в «Хуторок», богатый и показательный совхоз края, знатных людей и больших руководителей были для него делом обычным, и тем не менее Иван Николаевич встревожился.

– Кто его знает, каков он, этот Бела Кун, – сказал он, почесывая бровь.

– «Каков». Человек как человек. Деятель «Коминтерна», вождь венгерской революции, – начал было я, но он перебил меня:

– Вождь-то вождь, а какой он? Может, ему «Хуторок» наш не понравится, что-либо не так покажется, наберешься хлопот... И что они все к нам едут?... – покачивая головой, размышлял Борзов.

– Да не только к вам, и в «Кубань» заглянет, – пытался успокоить я.

– Вам-то, писателям, что... Чирк-чирк несколько строк, воздай ему хвалу, распиши в газете покрасивей... А вот каково нам, хлеборобам! Ведь у нас 33 000 гектаров зерновых, большое огородное хозяйство, садоводство, виноградник, виноделие, галетная фабрика, винно-водочный завод... Ему ж все это показать придется, во все вникнуть захочет, ну и найдет что-нибудь такое, что потом мне боком выйдет...

Он так расстроился, что и не заметил, как в дверях появился молча слушавший его наш винодел и управляющий всеми виноградниками совхоза старый, несколько забавный агроном Гаврила Гаврилович.

– А чего бояться, Иван Николаевич? Що вин первый к нам в гости приезжает? – с сильным украинским акцентом сказал Гаврила Гаврилович. – Да мы его примем так, що вин нам и спасибо скажет, да еще нас и в Москве, и в крае похвалить!

– Как это? – с надеждой спросил Борзов.

– А так. Нехай гости как знакомятся с «Хуторком» и поездут по полям, прямо ко мне в подвалы идти, а тут уж я за все отвечаю, – с хитрой усмешкой сказал винодел.

Я смотрел на его лукаво блестящие глаза, на обветренное, кирпичного цвета лицо, на свисающие по-запорожски усы и подумал: «Да уж, кто-кто, а Гаврила Гаврилович преотлично примет гостей!»

– Та я ж принимал усех! И усе хвалыли, – как бы читая мои мысли, сказал Гаврила Гаврилович и уж совсем по-деловому спросил: – Да хто вин буде, ций... – он запнулся.

– Бела Кун, – подсказал я.

– Ну-у, Кун ще не кум, – пошутил винодел. – Вы кажите мне, хто вин такий, какая его должность?

Мы в два голоса стали рассказывать агроному об ожидаемом госте.

– Так, так! – протянул он. – Знатная персона, только я, товарищи, не слыхал об ем и, извиняюсь, забуду... больно имя его чудное да с запинкой.

Гаврила Гаврилович вынул из кармашка блокнот и медленно, крупными буквами записал: «Бела Кун – вождь венгерцов».

– Теперь будьте спокойны, не забуду, – удовлетворенно сказал он.

– Гаврила Гаврилович, побойтесь бога! Что же вы, так с блокнотом и будете ходить возле гостей? – взмолился я.

Агроном хитро взглянул на меня и усмехнулся в свои казацкие усы.

– Зачем с блокнотом? Та я ж чистую рубаху для гостя надену, а на манжете напишу его чин и фамелею... я ж всегда так делаю.

– Он не промахнет, хитрый старик, – сказал Борзов.

Я ушел, а «хуторяне» занялись своими делами.

Венгры приехали через день, часов около десяти утра. Я подходил к конторе совхоза, когда из густой аллеи абрикосовых деревьев, окаймлявших главную улицу, вынеслись три легковые машины. Из первой вышел черноволосый лет сорока пяти человек, с приятным, чуть полноватым лицом и веселыми умными глазами.

– Бела Кун, – представился он.

За ним из другой машины вышел молодой смугловатый человек и подошел к нам. Это был Анатолий Гидаш⁴, поэт-эмигрант, которого я знал по Москве.

Вместе с ним подошла к нам красивая молодая венгерка, жена Гидаша, дочь Белы Куна.

Разминая затекшие ноги, выбрался из машины Бела Иллош⁵, тоже в то время живший в Москве. Всего гостей было восемь человек – пятеро мужчин и три женщины. Это были люди веселые,

общительные, сразу же понравившиеся нам. Женщины, не умея говорить по-русски, сразу же заговорили со всеми нами с помощью жестов, улыбок и двух десятков искаженных русско-украинских слов.

Бела Кун, добродушный и простой, обошел всех стоявших у конторы, знакомясь и беседуя с каждым на довольно хорошем русском языке. От предложенного завтрака венгры отказались.

– Все это потом, – сказал Бела Кун, – а сейчас, если можно, покажите нам совхоз с его людьми. Сначала мы пройдем по территории. Ведь нас, венгров, особенно интересуют вопросы, связанные с землей и сельским хозяйством.

Мы пошли по совхозу, а венгерки – в школу и совхозный клуб.

На 1-м участке Бела Куна встретил полевод-агроном Денис Иванович, неплохо знающий свое дело, но со странностями. Этот довольно добродушный человек приходил в ярость и неистовство, когда рабочие или жители совхозы называли его Денисом Ивановичем.

– Я Дионис Иоаннович! – тараща глаза на собеседника, трепеща от благородного негодования, кричал он, но это не помогало. За глаза все трунили над ним, а совхозные ребята, как подбавляет их возрасту, озорные и шаловливые, за видя агронома, хором и в разноголосицу кричали:

– Денис, на гвозде повис!

– Денис, в квашне закис!

А то и просто:

– Демидка-а-а! – отчего бедный агроном багровел и кидался на крик в кусты, а в это время с другой стороны еще громче заливалась другая партия озорников:

– Денис, нос отвис!.. Денис, не ленись!..

Для меня так и осталось загадкой, почему этому абсолютно русскому человеку с добрым и хорошим именем Денис хотелось быть каким-то древнегреческим Дионисом. Но было очевидно, что моральный ущерб он терпит по справедливости.

Агроном встретил гостей, повел их на стан, показал налившиеся колосья доброй кубанской пшеницы, а она, золотая и медно-рыжая, ходила под ветром из стороны в сторону, бескрайняя, богатая и до того обильная, что Бела Кун зажмурился.

– Золото, – воскликнул он. – Море расплавленного золота под солнцем!..

Потом гости пошли к вагончикам, где ночевали рабочие участка.

Тетя Фрося, дебелая и рыхлая казачка, накормила нас борщом, мясом, малосольными огурцами и белым ноздреватым пшеничным хлебом.

Бела Кун беседовал с людьми, что-то записывал по-венгерски, выражая нам свое мнение.

Машины пошли дальше, и желто-белая пыль

качалась над степными дорогами. В хлебах кричали перепела, солнце жгло, бронзовые полуголые люди, бабы с закутанными в платки лицами встречали нас на станах.

Жатва только началась. По полям ходили комбайны. К ним подъезжали автомашины и, нагружившись до краев зерном, мчались к элеватору. А солнце, щедрое и горячее, обливало медным блеском степь.

Бела Кун не находил слов, чтобы высказать свою радость и восхищение перед людьми, создавшими такой урожай. Он пробовал на вес зерно, клал его в рот, растирал на ладони и все говорил восхищенно и быстро по-венгерски, забыв, что мы не понимаем его. Потом сам же переводил, смеясь и напряженно подыскивая нужные слова.

Он нравился нам, он нравился и хлеборобам, даже и не ведавшим о том, кто такой этот жизнерадостный, общительный человек, так забавно коверкавший русские слова.

Они так же, как и он, похлопывали друг друга по плечам, спинам, подолгу о чем-то говорили, прерывали беседу, то указывая рукой в поля, то поглядывая на лазурное кубанское небо, по которому плыли барашки облачков и, распластав крылья, висели на огромной высоте орлы. Только потом люди спрашивали нас:

– А кто цей товарищ? Кубыть, вин грек? Аль бо цыган?

– Почему цыган? – удивился я.

– Та больно живой та взэлий, и до усего ему треба вникаты...

А «цыган» в это время уже бродил возле остановившейся грузовой машины.

«Диониса», неотступно за ним следовавшего, он явно не слушал, но тот был слишком навязчив и мешал его беседе с людьми. Директор понял это и ловко оттер «Диониса», отправив его к сидевшему в тени Гидашу.

Только через два часа мы вернулись к конторе «Хуторка». «Хуторяне» уже гуляли и беседовали с венгерскими дамами, причем особенно общителен был здесь ученый-винодел Гаврила Гаврилыч, гремел маршами и польками духовой совхозный оркестр, декламировали в стороне школьники для Иллоша и Гидаша. Было весело, просто и оживленно.

Бела Кун все еще не отошел от полученных впечатлений. Он не находил слов, и по-русски, и по-венгерски выражая свои восторги:

– Если б у нас было триста таких совхозов, мы б показали скептикам из Европы, что такое социализм!

Когда хор девушек запел только что входившую в моду песню «Широка страна моя родная»⁶, Гаврила Гаврилович бросился навстречу Бела Куну.

– Уважаемый и дорогой наш гость! – с сильным южным «хаканьем» начал он. – Вы знаменитый коммунист, товарищ... – он быстро вытянул левую манжету и четко произнес: – Бела Кун, посетили нас, и мы хордимся этим... Вы осмотрели поля, а теперь прошу вас ознакомиться с нашим виноделием, товарищ... – Гаврила Гаврилович запнулся, снова дернул рукав пиджака и торжественно закончил: – Бела Кун!

Винный подвал «Хуторка» был создан еще его бывшим владельцем бароном Штенгелем⁷. Во дворе винодельни на большой глубине было вырыто подземелье для хранения вин. Вход туда вел по широкой лестнице. Подземных этажей в хранилище вин было три. Первый – на глубине двенадцати метров, второй – двадцати и третий, последний и самый широкий – тридцати метров. Все три хранилища были обширны, с соответствующим режимом воздуха.

Из подземелья тянуло запахом разных вин, вкусным, густым, заманчивым. Шоферы гостей застыли у спуска в подземелье, потягивая носами и умильно поглядывая вниз. Они первыми ринулись бы в подземелье, если б не стеснялись высокого иностранного гостя.

Гаврила Гаврилович, как хозяин, сделал приглашающий жест, и мы стали спускаться в подземное хранилище: впереди Гаврила Гаврилович, за ним веселые, о чем-то шумно щебетавшие венгерки, затем Бела Кун, Гидаш, Иллеш, директор и я.

Что-то от Гамбринуса⁸ и старых рыцарских романов представилось нашим глазам.

Низкие, нависшие над подземельем своды, полутьма, особенно по углам просторного хранилища, и бочки, бочки, бочки. У стен и поперек стояли они, источая дурманящий пряный запах... Со стен свисали резиновые шланги, стояли винные чаны, бочата, стеклянные и цинковые воронки разных размеров. Посреди подземелья стоял стол, два табурета, ведро, а на столе огромная кружка и толстая стеариновая свеча, горевшая скупно и с треском...

Случилось так, что венгерки, обходя бочки и полутемное подземелье, пригубили первыми, не спросив, а потом стали пробовать вино изо всех рядком стоявших бочек.

– Да не пейте цево вина, – разводя руками, сказал Гаврила Гаврилович. – Це ж неважное, сбора годов трех, мабудь, четырех, вот пожалуйста ниже, там уж найдется винцо для особ такого высокого классу, як вы.

Гостям перевели его слова, и они, смеясь, направились во второй этаж.

– А вы, геть отसेля, лайдаки!.. Ишь, присосались к бочкам! – взревел Гаврила Гаврилович, видя, что и шоферы гостей последовали примеру венгерок. – Геть, геть... А ты, Федька, налей им

четверть во-он с того бочонка, – указал Гаврила Гаврилович пальцем куда-то в полутьму. – Нехай там, на воздухе поджидают.

Шоферы, дождавшись своей четверти и тянув еще по кружке-другой вина из бочек, исчезли.

– А что есть «лайдак»? – спросил меня Бела Кун, пока мы спускались по ступенькам. Но едва я подыскал синонимы, он, как мне показалось, забыл о своем вопросе.

Второй этаж подземелья был еще более мрачен и декоративен. И здесь были бочки, но каких размеров! Казалось, их никакой силой нельзя было бы сдвинуть с места. У одних были краники, внутрь других были вставлены шланги. Здесь было еще темнее, чем в первом этаже, и голоса слышались глуше, и какие-то эти еле горевшей свечи бегали по стенам. Воображение рисовало паутину, свисавшую со стен, а этот полусвет, тени, мерцание свечи и бочки придавали совершенно гофмановский колорит ночного волшебства и таинственности.

Венгры и венгерки пробовали вино, Бела Кун с видом дегустатора чуть-чуть прихлебывал из небольшого стаканчика пробу из каждой бочки. Гаврила Гаврилович, как привидение, то тут, то там среди подземелья из-за бочек, возникал рядом со слегка хмельевшими гостями. И вдруг он рванулся к Бела Куну и рывкнул изо всех сил:

– Товарищ Бела!.. – он опять забыл имя венгерского гостя, потянул свою манжетку, но было темно, и беспомощно озираясь вокруг, он тихо, еле слышно закончил: – Куш...

– Бела Кун, – смеясь и беря его за плечи, сказал гость.

– Так я ж так и говорю – Бе-ла Кун, – твердо произнес Гаврила Гаврилович и, обращаясь ко всем, сказал: – Товарищи, братки, и вы, дамочки, попробовали чуток этого виньца – и вниз, от там я вас угощу таки-им... – тут Гаврила Гаврилович вытянул перед своими губами пальцы и поцеловал их: – Та-аким виньцом, що вы, товарищ, извиняюсь, – он отскочил к огарку и торжественно крикнул: – Бела Кун, и во сне не видали.

– Ну-у, – недоверчиво сказал Бела Кун, – не знаю... Когда мы в 1918 году замок князя Эстергази⁹ взяли, там такой, скажу я вам, был токай¹⁰...

– И-их! – презрительно потянул Гаврила Гаврилович. – Знаю я эти графские вина... спиртованные да имбирем с розовым цветом надушенные. Нет, товарищ Бела Кун, нехай я пропаду, – вдруг с отчаянной решимостью крикнул Гаврила Гаврилович, – но я вам, дамочки и дорогие братики и товарищи, выдам та-ко-го вина, що пять бутылок только в Кремль в запрошлом годе по специальному приказу дал...

Наступила полная тишина. Даже венгер-

ки, начавшие было распевать арии из оперетт, смолкли, выжидательно и вопросительно глядя на Бела Куну.

Я встревожился. Вероятно, в подвалах было какое-нибудь количество сверхколлекционного вина, которое приказано было беречь, как зеницу ока. Я придвинулся к Гавриле Гавриловичу, но в ажиотаже и на линии достойно принять знатного гостя он не слушал никого.

Шумной ватагой все спустились в третий, последний этаж хранилища. Темно, чуть сыровато, бочки, два огарка, тени ходят по стенам, скрипят ступени лестницы, и еще больше походит на средние века все это таинственное подземелье с чудовищными черными бочками, с сырой прохладой и глухими, тонущими шумами.

Гаврила Гаврилович подошел к одной из бочек, нацедил из нее вина и молча, с сосредоточенным видом, почти благоговейно, дал каждому по стакану...

Дамы снова запели и стали подтанцовывать среди бочек. Гидаш подпевал и смеялся, Бела Кун смаковал вино. Винодел пристально всматривался в его лицо, не скрывая заинтересованности и тщетно стараясь угадать его впечатление.

И тогда дикий, почти плачущий вопль заглушил пение венгерок. Словно ужаленный, Гаврила Гаврилович бросился куда-то в темноту, и со стоном, еле сдерживая вопли, закричал:

– Федька!

Из-за бочек, из угла возникла какая-то фигура.

– Фе-едька! – рыдающим шепотом простонал Гаврила Гаврилович, – Федька! Дай того... – Гаврила Гаврилович глотает слова, на его лице страх, сомнения, мука... – Того, ще у тем угле...

Он беспомощно смолк. Молчали и мы.

– Гаврила Гаврилович, як можно того... Не могу я никак... не дозволено, – отступая шаг назад, потрясенно сказал Федька.

– А я тебе кажу – давай того! – вдруг рывкнул Гаврила Гаврилович.

Лицо его преобразилось, оно полно решимости, отваги. Глаза засверкали, жесты стали резки, категоричны:

– Давай!!

– Хучь убейте – не могу! И вам, Гаврила Гаврилович, не советую, – чуть не плача, говорит Федька. – Там усего двенадцать бутылок. Все щитанные, под распиской лежат. С мене ж голову сымуть...

– Не разговаривать, цыть!!! – заорал, приходя в ярость, Гаврила Гаврилович. – Я отвечаю! Нехай с мене сймають голову, но для такого велыкого товарища, як наш... – он опять забыл имя гостя, наскоро зыркнул глазами в свою манжету, – Бела Кун, готов и в Чеку, и на плаху!

Мы были потрясены.

– Не надо этого, – мягко и почти просительно сказал Бела Кун.

– Нет, надо! – прервал его расходившийся Гаврила Гаврилович. – Вам дам, як вы вождь венгерцов, великий знаток вина, понимаете толк и в замке этого князя Ешт-еште...

– Эстергази, – подсказал Бела Кун.

– Во, во, Эстергази, хай ему бис, вино пили, вам не жалко... Вы знаток, вы понимаете, а воны що... – Гаврила Гаврилыч махнул рукой на остальных. – Что не дай, усе добре.

Федька, почти плача, вынес из темного, недоступного нам угла, три бутылки вина. Они были пузаты, с зелеными и голубыми сургучными печатями, на замшелых этикетках – 1881 год. Бутылки были в паутине, опилках и ссохшейся земле.

– Во! – торжествующе сказал Гаврила Гаврилович. – Що за царя Лександра III дед барона Штунгеля собирал. Они в земле лет пятьдесят, а мабудь, и больше пролежали.

И вдруг упавшим голосом пробормотал:

– Нехай в Чеку сажают, усе равно угощу вас. Федька! – рявкнул он, – открывай!

Федька, молодой парень, с такой неохотой и страхом открывал бутылки, что мне стало жаль его. Но желание попробовать вина, заготовленного еще «за царя Лександра» много лет назад старым бароном Штенгелем, пересилило. Когда еще выпадет такая возможность!..

Пьем все, понемногу, не спеша, копируя Бела Куна, который смаковал знаменитое вино, пробуя то на язык, то на небо, то нюхая его или разглядывая на свет.

– Редкое вино! – наконец произнес он, покачивая головой, как делают, когда принимают аргументы визави и сдаются на милость победителя.

– То-то же! – осклабился винодел. – Наш-то Штунгель потоньше вашего Ештехази!

Все рассмеялись.

Осушив все три бутылки, мы двинулись наверх. Легко сказать – наверх, когда ноги не подчиняются, а все тело тянет назад. Так под смех, шутки, веселый гомон гостей кое-как мы выбрались через все три этажа на свет божий.

Бела Кун посмотрел на часы и отказался от обеда.

– Уже пять, а в шесть мы должны быть в сохозе «Кубань», где проведем двое суток. Приезжайте завтра, и мы поговорим обо всем.

Венгры попрощались, и их автомобили, поднимая пыль, пронесли по улицам «Хуторка».

...Телеграфист подал мне телеграмму из Ростова. Редакция газеты «Молот»: «Завтра «Хуторок» приезжает киноэкспедиция режиссер Эйзенштейн снимать фильм «Бежин луг» Просьба дать статью беседой Эйзенштейном строк полтора».

Завтра... Значит, ехать к Бела Куну смогу лишь через день.

– Уехали и... слава богу, – раздался возле меня голос Гаврилы Гавриловича; винодел с довольным видом потирал руки, глядя на меня.

– Гаврила Гаврилович, дорогой мой, как же вы на это решились! – сказал я, отводя старика в сторону.

– Чего? – поглаживая усы, спросил он.

– Как – «чего»? Израсходовать три бутылки считанного, такого сверхценного, музейного вина, – я покачал головой, – что ж теперь...

– А ничего. Вы только не пишите про это в «Правду», а? – он так интригующе ухмыльнулся, что я не стал сопротивляться, когда он взял меня за руку и потянул за собой. Мы снова попали в винное подземелье «Хуторка».

– Ось бачьте на Хведьку, – коротко сказал Гаврила Гаврилович, тыча пальцем за бочку.

Там, в полутемном углу, на корточках сидел Федька и разливал вино из первой попавшейся ему бочки в пузатые бутылки. Он подмигнул нам, хитро засмеялся, наглухо закупорил пробками бутылки и стал катать их по пыли, земле и густой паутине, комком лежавшей на полу. После этого он зеленым воском и красным сургучом залил пробки, огромным медным пятакон поставил на сургуче и воске «печать».

– Пятак правильный, – невозмутимо проговорил Гаврила Гаврилович, – ще при царе Лександре III сделан, а винцо наше, прошлогоднего сбора.

Я взял пятак. «5 копеек. 1885 г.» – выгравировано было на нем. Большой царский орел с двумя головами и скипетром в когтях украшал монету.

– Вот так, – важно изрек Гаврила Гаврилович. – Хиба я дурак аль бо вредитель, що буду поить музейным вином усех, хучь бы и вождя венгерцов... А он-то похваляется: «Я и то, и се, и хграфское вино пил, и княжеский токай пробовал», а сам молодого вина от старого отличить не может.

Мошенники рассмеялись, и Федька в порыве щедрого сердца предложил мне «на память» (или в качестве взятки за молчание) бутылку только что сварганенного им вина, увешанного серией зеленых и красных сургучных печатей.

– Жулики вы, – в сердцах сказал я.

Но подарок взял. И, провожаемый дружным хохотом двух винных алхимиков, поднялся наверх.

...В полдень я пошел к Эйзенштейну, только что вернувшемуся с полей. Сергей Михайлович, мрачный и усталый, сидел за столом, у окна сидел на табурете Тиссэ¹¹. Администратор, стоя перед режиссером, объяснял что-то с виноватым видом и несвязно. Увидев меня, он замолчал.

– Не о чем писать... Через час мы уезжаем,

– муро ответил мне Эйзенштейн, кивнув на администратора. – Вот подвел нас!.. Расписал «Хуторок» как небесный рай для съемок нашей картины, а на самом деле место здесь совершенно не подходит для съемок «Бежина луга». Нам нужна тихая, лирическая, задумчивая русская природа Центральной России с ее грустной, щемящей сердце прелестью – тихие речки, леса, березы, а здесь голая степь, хлеба, рощицы... Словом, уезжаем! – решительно закончил он.

– Не тот пейзаж, – грустно повторил Тиссэ, – да и весь колорит иной... Нельзя снимать.

Но из последовавших дальше коротких реплик и отрывистых недовольных фраз я понял, что дело все-таки было не только в колорите нашего «Хуторка», но и каких-то других обстоятельствах, что съемки «Бежина луга» не совсем клеились.¹²

Через час я проводил гостей. Очерк в 150 строк, который просил «Молот», превратился в короткую информационную заметку на 30 строчек. Я отослал ее в газету, а сам отправился в совхоз «Кубань» к Бела Куну.

...Веселые венгры смехом, шутками, улыбками встретили меня. Это были легкие, жизнерадостные, приветливые люди. Казалось, будто мы знаем друг друга уже много-много лет. С ними было легко и свободно вести беседу.

Я напомнил Бела Куну, что жду от него интервью для газеты.

– После обеда я к вашим услугам, – ответил он.

Во время обеда кто-то из венгров стал наполнять наши бокалы «хуторским» вином – щедрым даром Гаврилы Гавриловича и барона Штенгеля. Глотнув вина, я не захотел сдерживать улыбку, и Бела Кун перехватил мой взгляд и тоже улыбнулся.

– После интервью я расскажу вам одну веселую историю, – сказал я, глядя, как венгр смакует вино.

– Я тоже расскажу вам, – ответил Бела Кун, улыбнувшись. – И не после обеда, а сейчас. – Он сделал еще глоток: – Передайте поклон вашему артисту-виноделу и скажите, что он меня обидел: как он смел думать, что может в таком деле провести венгра? Кроме того, у нас тоже немало алхимиков, делающих из молодого вина столетний нектар... А вообще старик забавный. И настоящий патриот. Он мне понравился больше, чем его вино.

– Дока на доку нашел, – после некоторого молчания выговорил я.

– А что есть «дока»? – спросил Бела Кун, нарочито оживившись.

Мы рассмеялись и приступили к интервью.

ПРИМЕЧАНИЯ ИЗДАТЕЛЯ

¹ **Глеб Васильевич Алексеев** (настоящая фамилия – Черноцкий) (1892–1938) – русский советский писатель, критик и журналист. В начале 1920-х годов в эмиграции; в 1923 году вернулся в СССР. Автор самобытных рассказов (сборники «Иные глаза» (1926), «Горькое яблоко» (1928), повестей («Мертвый бег» (1923), «Жилой дом» (1926), «Шуба» (1928)) и романов («Подземная Москва» (1925), «Роза ветров» (1933) и др.) о революции, гражданской войне и советской действительности. В 1938 году репрессирован; реабилитирован посмертно.

² **Бела Кун** (1886–1938) – венгерский и советский коммунистический политический деятель, литератор и журналист. Член РСДРП (б) с 1917 г. Участник Гражданской войны в России. В марте 1919 провозглашил Венгерскую советскую республику, просуществовавшую 133 дня. Состоял председателем Крымского Ревкома, членом исполкома и президиума Коминтерна, уполномоченным ЦК РКП(б) в ЦК Российского коммунистического союза молодежи. С июля 1924 заведовал Агитпропотделом Исполкома Коминтерна и состоял членом ЦК Компартии Венгрии. В апреле 1928 за революционную деятельность арестован в Вене, но после организации СССР шумной кампании был освобожден. В СССР работал в издательстве «Гослит», занимался переводами с венгерского. В 1937 году арестован, 29 августа 1938 года приговорен Военной коллегией Верховного Суда СССР к расстрелу. В тот же день расстрелян на Бутновском полигоне. В 1956 году реабилитирован.

³ **Николай Алексеевич Островский** (1904–1936), русский советский писатель, автор романа «Как закалялась сталь» (1934). В 1935 году Островский был награжден орденом Ленина, ему были подарены дом в Сочи и квартира в Москве и присвоено звание бригадного комиссара.

⁴ **Антал Гудаиш** (Санто Дьюла) (1899–1980), венгерский поэт и писатель, долгое время живший в СССР, эксперт по классической венгерской литературе в СССР. Автор ряда поэтических сборников, романов и мемуаров, а также биографии Шандора Петешфи для серии ЖЗЛ; зять Белы Куна.

⁵ **Бела Иллош** (Иплеш) (1895–1974), венгерский писатель. Автор романов «Тисса горит», «Карпатская рапсодия», «Люди в лесу» и др.

⁶ **«Широка страна моя родная»** («Песня о Родине») В. Лебедева-Кумача и И. Дунаевского была, как известно, написана в 1936 году (для известной советской киноленты «Цирк» (режиссер Г. Александров). Таким образом, именно к этому году относятся события, о которых вспоминает Х.-М. Мугуев.

⁷ **Барон Штенгель** (Штейнфельд) Владимир Рудольфович, отпрыск дворянского рода, находящегося на русской службе с 1720-х годов. Кубанское имение основал его отец Рудольф Васильевич, который еще в начале 80-х годов XIX века приобрел чуть более 6 тысяч десятин и взял в аренду 3 тысячи де-

сятин земли, где построил большой винокурный завод и положил начало полевому хозяйству и скотоводству, а впоследствии заложил и виноградники. У Рудольфа Васильевича было четыре сына, одному из них – Владимиру по наследству досталось кубанское имение. Под управлением последнего в 1900 году кубанский «Хуторок» стал участником Всемирной Парижской выставки. За представленные экспонаты – виды сельскохозяйственной продукции, животноводства, коневодства и виноделия – имение «Хуторок» получило разного достоинства медали, а за общее ведение хозяйства – Большую Золотую медаль Всемирной выставки. Барон Штейнгель сыграл видную роль и в истории и культуре Владикавказа. В построенном им в конце XIX века дворце, и теперь известном как «дом барона Штейнгеля», находилась Владикавказская городская управа; Владимир Рудольфович участвовал в создании парка-трека и владикавказского водопровода; основал и возглавлял «Общество попечения о сиротах и бедных детях г. Владикавказ». После революции барон был арестован (а имущество его описано и национализировано), но по ходатайству его бывших работников он был выпущен на свободу. Позже Владимиру Штейнгелю удалось эмигрировать в Париж, где он одно время работал швейцаром.

⁸ **Гамбринус** – персонаж фламандских преданий и сказок, который изобрел способ варки пива. Но Мугуев, очевидно, хоть и не берет это слово в кавычки, имеет в виду одноименный рассказ А.И. Куприна, действие которого происходит в пивной, также располагающейся в подвальном помещении.

⁹ **Эстергази-Галанта**, венгерский дворянский род. С 1626 г. – графы, с 1712 – князья.

¹⁰ **Токай** – венгерское десертное вино (от названия района в Венгрии и частично в Словакии).

¹¹ **Эдуард Казимирович Тиссэ** (1897–1961), советский кинооператор. Заслуженный деятель искусств РСФСР (1935), заслуженный деятель искусств Латвийской ССР (1947). Лауреат трех Сталинских премий первой степени (1946, 1949, 1950). В 1924 году встретился с С.М. Эйзенштейном, в дальнейшем был оператором всех его фильмов. Снял такие всемирно известные картины, как «Броненосец Потемкин» (1925), «Александр Невский» (1938), «Иван Грозный» (1945–1946), «Встреча на Эльбе» (1949) и др.

¹² **«Бежин луг»** – утраченный фильм 1935 года Сергея Михайловича Эйзенштейна (оператор Э.К. Тиссэ, сценарист А. Ржешевский). В основе сюжета были не мотивы одноименного рассказа И.С. Тургенева, а драматические процессы коллективизации и известная история пионера Павлика Морозова (убитого в 1932 году кулаками за разоблачение их заговора по срыву хлебозаготовок), перенесенная с Северного Урала, где она в действительности имела место, в пространство тургеневского пейзажа. В 1937 году, после просмотра фильма в черновом монтаже, Главным управлением по кинематографии отснятый материал был забракован по причине «формализма и усложненности языка картины»; несколько позже Эйзенштейн в статье «Ошибки «Бежина луга» вынужден был «просить извинения за то, что он Эйзенштейн». Несмонтированный материал фильма был уничтожен во время бомбежек Москвы немецкой авиацией. Позже картина восстановлена в качестве фотофильма Н.И. Клейманом и С.И. Юткевичем.

(Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта проведения научных исследований «Кавказская война XIX века в романе Хаджи-Мурата Мугуева «Буйный Терек»: историзм, нарратив, идеал», 2014-2015; проект № 14-14-15001, «а(р)».)

ЛИТЕРАТУРА

1. Хугаев И.С. Неизвестный Мугуев, или «Свет погасшей звезды» // Дарьял, 1999. № 2.
2. Хугаев И.С. Зарди зар: к 120-летию со дня рождения Хаджи-Мурата Мугуева // Дарьял, 2013. № 5.
3. Хугаев И.С. Реализм и утопия Хаджи-Мурата Мугуева // Вестник ВНИ, № 3.
4. Мугуев Х.-М.М. Хуторок. – Фонды СОМОЛ (Северо-Осетинского музея осетинской литературы) им. К.Л. Хетагурова. – Фонд Х.-М. Мугуева, ст. 3, п. 2, кор.

WINE AND SUN

Khadjji-Murat Muguev's memoirs page. Essay «Khutorok»

I.S. Khugaev

Doktor of Litt. Vladikavkaz science center of RAS (shmiksel@rambler.ru)

Abstract. The unknown essay of Khadjji-Murat Muguev is introduced in the literary and academic circulation; general theoretical review of the text and essential historical-literary comments are provided.

Keywords: Muguev, Bela Kun, Eisenstein, Tisē, Baron Stengel, Turgenev, Kuprin, "Wild Tererk", the Kuban, essay, memoirs, wine.

REFERENCES

1. Khugaev I.S. Neizvestnyy Muguev, ili «Svet pogasshey zvezdy» // Dar'yal, 1999. № 2.
2. Khugaev I.S. Zardi zar: k 120-letiyu so dnya rozhdeniya Khadzhi-Murata Mugueva // Dar'yal, 2013. № 5.
3. Khugaev I.S. Realizm i utopiya Khadzhi-Murata Mugueva // Vestnik VNTs, № 3.
4. Muguev Kh.-M.M. Khutorok. – Fondy SOMOL (Severo-Osetinskogo muzeya osetinskoy literatury) im. K.L. Khetagurova. – Fond Kh.-M. Mugueva, st. 3, p. 2, kor.